

A photograph of a brown bear cub climbing a tree trunk. The cub is positioned vertically, with its front paws gripping the bark and its head tilted upwards. The background is a blurred forest scene. The text 'studia naturalia' is printed vertically in white on a green background strip on the right side of the image.

studia naturalia

В. С. Пажетнов

мои друзья медведи

Валентин Сергеевич Пажетнов
Мои друзья медведи
Серия «Studia naturalia»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5806781
Мои друзья медведи. – 2-е изд., испр. и доп.: Знак; Москва; 2006
ISBN 5-9551-0024-5

Аннотация

В книге В. С. Пажетнова рассказывается о первом в мире успешном эксперименте по выращиванию «диких» медведей. Многие десятки маленьких медвежат ежегодно попадают в руки людей. У них, как правило, одна судьба – зоопарк, цирк (это в лучшем случае) или гибель от пули, когда они становятся опасными для человека. Можно ли спасти таких животных? Оказывается можно. Для этого надо знать, как устроен их «внутренний мир», т. е. каковы их истинные потребности, и создать им условия, в которых они, находясь под невидимой охраной человека, живут по законам своего вида.

О первом опыте выращивания бурых медвежат, которые могут потом вернуться в дикую природу, и рассказывается в книге. События, о которых идет речь в «Моих друзьях медведях», разворачивались в середине 70-х годов XX века.

Содержание

Предисловие	5
От автора	7
Берлога	9
Новая мама	15
Необыкновенный концерт	19
Нашествие	21
Первые прогулки	23
Первый поход	28
Лесными тропами	32
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Валентин Сергеевич Пажетнов

Мои друзья медведи

Лес остается загадкой, мистической тайной, хранящей чистоту бытия, любовь и трагедию сосуществования своих обитателей даже для тех людей, которые всю свою жизнь посвятили его изучению.

В. Пажетнов

Федеральная целевая программа «Культура России» (подпрограмма «Поддержка полиграфии и книгоиздания России»)

Научный редактор доктор биологических наук И. И. Полетаева

Предисловие

Возможно, правы те, кто считает, что эта книга в предисловии не нуждается. Однако удовольствие представить читателю ее автора слишком велико, чтобы отказаться от такой возможности.

Все, за что Валентин Сергеевич брался в жизни, он осваивал досконально и глубоко. Пример тому – работа на заводе после школы перед призывом в армию: за небольшой срок он освоил с получением квалификации 4 или 5 рабочих специальностей. С детства пропадал в лесу и в речных поймах (в годы войны в Узбекистане, а потом в Ростовской области) и самостоятельно познакомился с жизнью лесных обитателей. По его рассказам, только став взрослым, он понял, чего стоили родителям его необъявленные походы «в природу» – ведь этот мальчик исчезал из дома на 2–3 недели, а то и больше. Ясно, что жизнь в дикой природе он осваивал тоже очень фундаментально. Уже тогда у Валентина Сергеевича появилась мечта – работать в лесу с дикими зверями. После службы в армии, где он добавил к своему списку еще несколько профессий, с молодой женой и «одним чемоданом на двоих» уехал на жительство и работу в Красноярский край, в село Ярцево. Он стал работать штатным охотником в «коопзверопромхозе». Эту профессию он также успешно освоил. Эти неполные 4 года, проведенные в Сибири, были целой эпохой в жизни и Валентина Сергеевича, и его жены Светланы Ивановны. Появились дети – сын Сергей и дочь Наталия, а жизнь была до краев наполнена всевозможными неординарными событиями. Однако работа промыслового охотника не принесла Пажетнову того удовлетворения, которого он наивно ждал с детства. Он решил учиться и, уехав с семьей на родину, в г. Каменск, поступил в знаменитый ВСХиЗО, заочный институт, где готовили биологов-охотоведов и ветеринаров. Так он получил еще две специальности. И вот теперь он смог работать в лесу, с дикими зверями как зоолог. Его пригласили на работу в среднюю Россию, в Центрально-Лесной заповедник, который занимает огромную территорию в Нелидовском районе Тверской (тогда – Калининской) области. Редкое население, болота и леса, большое число диких медведей...

Года через два после этого он познакомился с Леонидом Викторовичем Крушинским, профессором МГУ, заведующим лабораторией физиологии и генетики поведения на биофаке. Мы, сотрудники Крушинского, хорошо помним появление Валентина Сергеевича в лаборатории. Это был стеснительный и деликатный человек, который с глубочайшим интересом отнесся к нашей работе. Наша дружба с ним началась именно тогда. По совету Леонида Викторовича Пажетнов приступил не просто к изучению медведей в дикой природе – необходимость этой работы сомнений не вызывала, и как ее проводить тоже было достаточно ясно. Такая работа – это трудный «хлеб» зоолога-поле-вика, по крохам – по следам и нечастым встречам со зверями – воссоздающего его образ жизни и особенности поведения в природе. Блестящая отечественная школа зоологов, к которой принадлежали его коллеги и учителя старшего поколения (С. М. Успенский, В. Е. Флинт, Д. И. Бибиков и др.), была основой, позволившей Пажетнову провести такую работу. Он ее планомерно вел и написал сначала кандидатскую, а потом и докторскую диссертации. Сейчас В. С. Пажетнов – один из наиболее авторитетных в мире специалистов по биологии, экологии и поведению бурого медведя. Однако Л. В. Крушинский предложил ему сделать принципиально иной шаг в исследовании поведения этого вида – проследить, как формируется поведение бурого медведя. Для этого надо было взять медведя-детеныша и, живя с ним бок о бок, наблюдать, как он постепенно становится взрослым, выяснить, чему ему надо учиться у других, что он понимает в силу врожденного интеллекта, а для чего требуется собственный горький опыт. Так родилась идея работы, которая стала главным делом жизни и самого Валентина Серге-

евича, и Светланы Ивановны, и их сына Сергея Валентиновича. О первых медвежатах, за которыми довелось наблюдать Пажетнову, и рассказывает эта книга.

Медвежата попадают к людям чаще всего после гибели их матери. Охота на берлоге – это увлечение, которому со страстью отдаются не только многие охотники-спортсмены, но также и многочисленные браконьеры. Если охотнику довелось убить именно медведицу, ему следует «пристроить» медвежат. Каждый год во всех «медвежьих углах» нашей необъятной Родины встают такие проблемы. Девать таких детенышей, как правило, некуда. Пожив с людьми до середины лета или до осени, медведь вырастает, становится опасным и рано или поздно погибает от выстрела охотника или милиционера. Единицы попадают в цирк или в зоопарк. Многолетний опыт выращивания медвежат позволил Пажетновым разработать рекомендации, следуя которым, можно вырастить молодого медведя, который не только сможет самостоятельно прокормиться и не пропасть в лесу, но который не полезет в деревенский огород или на проезжую дорогу в погоне за вкусной приманкой. Медведи, которых выпускают в лес Пажетновы, это осторожные, вполне дикие звери. Существуют, конечно, и множество трудностей в этой работе. Она и физически изматывающая, и ответственная. Это, например, выкармливание иногда более дюжины зверей из соски (через 3–4 часа), многокилометровые экскурсии по лесу, наблюдения за животными в палатке в проливной дождь и в сильный мороз. Но все это позволило накопить ценный опыт. Пажетновы научились выращивать медвежат таким образом, что они остаются дикими и боятся людей. Совершенно очевидно, что этот опыт уникален. Работу В. С. Пажетнова узнали и оценили практически все специалисты в мире, которых заботит охрана животного мира, и, в частности, сохранение на Земле крупных хищников. Его методику пытаются использовать в Индии, в Корее, в Южной Америке....

Книга иллюстрирована фотографиями и авторскими рисунками, которые тоже несут отпечаток неординарности натуры этого ученого. Читайте книгу!

Доктор биологических наук

И. И. Полетаева

июль 2004 года

От автора

Заканчивая учебу во Всесоюзном сельскохозяйственном институте заочного образования, я уже имел солидный стаж работы и неплохо владел дюжиной специальностей – во многих местах пришлось работать, и везде были нужны рабочие руки. Но с детства крепко сидела во мне страсть к необъятным лесным просторам и их обитателям. Не сразу я понял, что нужно учиться для того, чтобы уметь понимать сложную жизнь леса, и лишь работа охотником-профессионалом показала насущную необходимость специальной подготовки.

Теперь я обрел профессию биолога-охотоведа, которая шесть лет назад казалась недосяжимым благом. На семейном совете было решено переехать жить в заповедник, и выбор пал на Центрально-лесной. Вначале пришлось выполнять различные работы по охране заповедной территории. Счастливая случайность свела меня в это время с крупным ученым и замечательным знатоком поведения животных профессором МГУ Леонидом Викторовичем Крушинским. Знакомство с сотрудниками лаборатории, которой он руководил, с их работой, участие в семинарах, а главное – беседы с профессором о диких животных, особенностях их поведения явились той первой серьезной школой, которая и определила мою дальнейшую жизнь.

Вскоре я стал научным сотрудником. Объектом исследования был выбран бурый медведь. Выбор не оказался случайным. Заняться изучением экологии и поведения бурого медведя настоятельно посоветовал Л. В. Крушинский. Профессор определил также основное направление исследования: изучить формирование поведения бурого медведя, наблюдая за развитием медвежат-сирот в естественной среде – в лесу. Бурый медведь – самый крупный наземный хищник. Зверь ведет скрытный, одиночный образ жизни, поэтому наблюдать за ним трудно. Опыт выслеживания медведей и охоты на них у меня уже был, но теперь хищник представлялся не как охотничий трофей, а как зоологический объект, который надо было изучать.

Редко удается встретиться с медведем, так как он с большого расстояния слышит приближение человека и заблаговременно уходит. Можно видеть совсем свежий след, в который тонкой струйкой затекает вода, – зверь только что был! Можно слышать треск сучьев, а иногда и голос самого хозяина леса, но каждая встреча с медведем «в лицо» – событие. Разве что увлечется косолапый раскапыванием муравейника или душистой лесной малиной и подпустит человека близко. Чаще такую промашку может сделать небольшой, еще молодой и неопытный зверь. А уж завидев человека, испугавшийся медведь бежит в лес напролом, не разбирая дороги, – только треск стоит! Бывает, что ошибается и старый крупный зверь, но этот знает себе цену и уходит с достоинством, медленно поворачиваясь и мягко, чуть слышно переступая лапами. Лишь добравшись до густых зарослей, он пускается наутек. Случается и так, что уходящий от человека медведь как бы растает, растворится в лесу – был и нет его!

Отдельные встречи с медведем интересны, и из них можно кое-что узнать о его жизни. Но для этого нужны очень длительные наблюдения. Картину жизни медведя можно также представить, наблюдая за следами его жизнедеятельности: отпечатками лап, разрушенными пнями, раскопанными муравейниками, поломанными кустами и деревьями, задранными им животными, поедаями растительности, устройством берлог и т. п. Однако некоторые особенности поведения зверя могут быть познаны лишь в условиях тесного контакта с ним. Вот для этих целей и было решено отловить маленьких медвежат и в условиях, приближенных к естественным, проследить за их развитием. Под руководством Леонида Викторовича была разработана предварительная программа действий, и я принялся за ее выполнение. Это было трудное, но очень интересное дело.

Берлога

Январь. Сразу за поселком стеной поднимается дремучий лес. Высокие елки, прикрытые седыми шапками снега, выстроились в строгий, непроницаемый ряд. Чуть в стороне толстая, в три обхвата, осина раскинула в вышине узловатые серо-зеленые ветки. Белокорая береза тянется вверх прозрачной вершиной, а между деревьями-великанами разбежались небольшие, в руку толщиной, рябинки, липы, клены, молодые курчавые елочки. В отдельных местах громоздятся стволы когда-то сваленных ветром деревьев. На молодых деревьях, поднявшихся на старых вырубках, намерзли тяжелые комья снега. Тонкие стволы не выдержали тяжести, согнулись к самой земле. Ветки деревьев переплелись между собой, образовав непроницаемую чашобу. Где-то здесь, в лесных завалах с темными загадочными провалами между стволов или в непролазных молодняках, и выбирает себе «зимнюю квартиру» бурый медведь.

Осенью, в конце ноября, еще до того, как выпадет снег, следы медведей исчезают – звери ложатся в берлоги. Лишь изредка на снегу можно увидеть характерные размашистые их наброды. То ли задержался незадачливый мишка у лоскута нескошенного овсяного поля или у туши убитого лося, то ли спугнул его кто-то у места зимней лежки – и бредет косолапый по лесу, ищет себе новое место для берлоги, оставляя за собой предательский след. Но и захваченный снегом медведь старается делать переходы во время снегопада или накануне пурги. Как и все дикие звери, он хорошо чувствует погоду и ошибается очень редко, так что выйти на его берлогу не просто – снег надежно замечает следы. Охотники всегда пользуются редкой возможностью – обложить по снегу место лежки медведя, а зимой в таком окладе ищут берлогу с собакой. Пользовался этим способом и я с той лишь разницей, что пытался «обложить» медведя еще до выпадения снега, разбираясь в оставляемых зверем следах на размытой осенними дождями податливой земле.

Часто одни и те же медведи, если их не беспокоят, из года в год устраивают берлоги в определенных местах. Мне не приходилось наблюдать, чтобы зверь ложился в старую берлогу, хотя в других местах это бывает. Но нередко новая берлога располагалась почти рядом с прошлогодней, и это помогало в ее розысках.

Берлоги, покинутые медведями весной, мы отыскивали по следам после того, как медведи уходили. Рано утром, когда ночной мороз промораживал подтаявший днем снег и можно было легко ходить на лыжах, мы тропили медведей «в пятую». Шли на лыжах в сторону, обратную от ушедшего медведя, до тех пор, пока не выходили к берлоге. Делалось это с целью изучения устройства берлог, а также для выяснения поведения медведя около берлоги. Занятие это было трудное, так как в отдельные дни приходилось надолго задерживаться в лесу, наступало дневное тепло, снег быстро подтаивал, и хождение на лыжах становилось настоящим испытанием человеческих возможностей. Лыжи проваливались в растаявший, превратившийся в кашу снег, и каждый шаг требовал большого напряжения, а дорога к дому составляла не один километр.

Обычно медведи вылезают из берлог в середине марта, а уходят в конце этого месяца или даже в начале апреля и оставляют около берлоги много следов, которые помогают разобраться в поведении зверей. Со временем мы знали места зимовок многих медведей, что значительно облегчало разыскивание берлог.

Пользуясь тем, что медведи приходили в такие места задолго до выпадения снега, я еще с осени старался определить занятость некоторых участков, осторожно пробираясь по звериным тропам и изучая медвежьи следы. Несколько дней кропотливой работы с бесконечными обходами подозрительных мест, осмотром троп, дорог, намытых дождями песчаных кос по овражкам и ручьям позволяли предположить место возможной зимовки медведя.

Если такой работе сопутствовала удача и в один из очередных обходов зверь не обнаруживал за собой слежки, то зимой, внимательно проверяя с собакой несколько осенних окладов, мы находили берлогу. Лайка – верный помощник человека в лесу. Но если в охоте на медведя особо ценятся лайки-медвежатницы, делающие крепкие хватки по зверю и останавливающие его, то для отыскания берлоги нужна иная, более мягкая, но «вязкая» и настойчивая собака – берложница. Обнаружив берлогу, такая собака не нападает на зверя, а ровно и ритмично лает и хорошо отзывается на команду. Под такой собакой медведь лежит крепко и, если осторожно отозвать лайку, не сходит с берлоги.

Был у нас западносибирский кобель по кличке Умка, с густой шерстью палевого цвета и черными, удивительно выразительными глазами. Пес этот оказался на редкость послушным в лесу, что вовсе не характерно для лаек, и был типичным берложником. Я ни разу не видел, чтобы он вскинул на медведя шерсть или сделал хватку. Зла на зверя у него не было. Обнаружив медведя, он начинал звонко лаять, но ближе пяти-шести метров к берлоге не подходил. Стоило подать команду – и пес послушно шел на поводок. Много берлог нашла эта собака, оказывая нам неоценимую помощь в работе.

Берлоги в здешних местах верховые. Они бывают устроены либо в зарослях молодых елочек, либо под комлем сваленного ветром дерева. В начале зимы такая берлога во многих местах остается открытой. Если удастся подойти к берлоге близко, то можно увидеть, как из какой-нибудь щели торчит клочок медвежьей шерсти. Пока не завалит берлогу снегом, лежит медведь в ней слабо и при малейшей опасности сразу убегает. В глубокую зиму, да еще и в мороз, лежит медведь в надежно укрытой снегом берлоге плотно и наружу лезет неохотно. Сильно потревоженный собакой мишка иногда выскакивает из берлоги и делает бросок в сторону незваного гостя, но потом опять залезает обратно. Но если увидит вблизи человека, уходит прочь за многие километры. Нас, конечно, не устраивало, чтобы медведи уходили, поэтому у обнаруженной берлоги соблюдался целый ритуал особых предосторожностей. К берлоге я подходил с северной стороны, так как чело – вход в берлогу – чаще располагается с юга. Не приближался к берлоге на расстояние ближе 30 метров и при подходе пользовался различными укрытиями. При этом учитывались также сила и направление ветра и еще многие другие мелочи, которые могли бы повредить делу. В первый год работы мне удалось отыскать пять берлог. Однако две из них сразу опустели, потому что медведи меня увидели и, конечно, удрали, зато в трех остальных они остались лежать. Весной я имел возможность осмотреть их следы и «квартиры», а одного медведя даже видел лежащим у самой берлоги.

Искать берлоги я начинал глубокой зимой, когда зверь облежится, и выбирал для этого морозные дни – в мороз зверь менее чуток. По заранее намеченному плану мы с собакой много раз пересекали один и тот же участок в надежде отыскать берлогу. Отработав в одном окладе, принимались за другой. Пробираться по завалам трудно. Иногда и камасные, подбитые лосиной шкурой лыжи не спасают – скользят по надувам вбок, и тогда, проваливаясь в очередной раз в пустоту между нагромождением стволов, вздрагиваешь от изрядной порции колючего снега, попадающего за воротник. Через заваленные сугробами молодняки, кажется, вообще нельзя пролезть, но коль лежит через них маршрут и где-то теплится надежда на удачу, лезешь в это хитросплетение ветвей, а выбравшись с другой стороны и оглянувшись на пройденный путь, только удивляешься человеческим возможностям.

Уже неделю держался немалый для этих мест мороз 20–25 градусов. Я шел старой лыжней в далекий квартал охранной зоны заповедника. Глубокий снег не позволял собаке рыскать по сторонам, и она плелась сзади, часто проваливаясь в снег по самое брюхо то одной, то другой лапой. Выбравшись из снега, пес широко расставлял лапы, стараясь удержаться наверху. Далеко высунув красный язык, Умка шумно и часто дышал, хватал широко открытой пастью морозный воздух. Умный пес видел, что я двигаюсь по снегу без особого напряжения, и по простоте своей думал, что впереди меня дорога должна быть полегче.

Несколько раз он порывался выйти вперед и наступал мне на задние концы лыж. Лыжи тормозили, я спотыкался, оборачивался и с укором смотрел на разгорячившуюся собаку. Умка конфузился, виновато вилял хвостом, моргал глазами, всем своим видом показывая, что сделал это нечаянно.

В воздухе повисли мириады мельчайших снежинок, которые, поймав на себя лучик неяркого зимнего солнца, вспыхивали короткими искорками. Снег под лыжами скрипел, как старый пересохший хомут у плохо запряженной лошади, заглушая все звуки. Я остановился. Еще какое-то мгновение лес возвращал шум от лыж, а потом поразил стылой тишиной. Только где-то далеко-далеко взвизгивали полозья да изредка доносился крик возчика – по дальней дороге ехали на розвальнях. Не было слышно привычного писка суетливых синиц. Лишь в редком сосняке небольшого болотца, спрятавшегося в еловой гряде, деловито долбил шишку дятел. Но вскоре и он замолчал. Все попрятались от мороза. Однако в нашей работе мороз – это хороший помощник. И мы тронулись дальше.

Добрались к намеченному для осмотра участку и принялись за работу, строго выдерживая направление по компасу, чтобы не сбиться с маршрута. Работа была нелегкой. Вскоре я разогрелся так, что часть одежды пришлось снять и уложить в рюкзак. Умка заметно устал и уныло брел за мною следом больше из солидарности, нежели по своей охоте. Я осмотрелся, подбирая удобное место для костра и отдыха, – после таких трудов кружка горячего чая просто необходима. Но вдруг пес заводил поднятой вверх головой, сунулся вправо, влево – он зачуял запах зверя. Потом побежал к накрест упавшим стволам трех небольших деревьев, метрах в тридцати от того места, где мы стояли, понюхал под самый завал и залаял звонко, весело. Берлога! Я был весь на виду, потому быстро пошел вперед и, спрятавшись за толстую осину, негромко окликнул собаку. Умка лишь оглянулся на меня и продолжал лаять. Долгая толчея по снегу изрядно надоела псу, и он был рад случаю разрядиться. Пришлось резко подать команду: «Нельзя!» Умка как-то сжался, обмяк, и следующая команда – «Ко мне!» – заставила его подойти. Я быстро накинул поводок ему на шею, а собака уже вновь настраивалась на берлогу: уши встали торчком над лобастой головой, глаза горели азартом, пес напряжился, подался вперед, а хвост его, особенно крутой баранкой заложенный за спину, нетерпеливо подрагивал. Погладив собаку, я потихоньку отошел, достал нож и «потянул» затески к знакомому квартальному столбу – по ним в любое время можно безошибочно выйти на берлогу. Домой мы добрались уже ночью, когда на застывшем небе рассыпались гроздьях ярких, мерцающих звезд.

Вьюгами отпел февраль. Вторая половина марта – веселое время. Искристый снег щедро заливает солнце. Отряхнувшиеся елки и сосны распушили на солнышке свои мохнатые лапы, светятся бархатной зеленью. Березняк подернулся фиолетовой дымкой, а на полянке у ручья на самом солнцепеке зацвела верба. Цветки-шарики, покрытые нежным серебристым пушком, высвечивали изнутри теплым золотистым светом.

Мягкий мартовский снег комьями налипает на лыжи – никакая мазь не помогает, поэтому весной я хожу на камасных. Легкий ночной мороз к утру создает тонкую корочку наста, которая с хрустом проваливается под лыжами, звенит битым стеклом. К одиннадцати часам наст оттаивает, и можно двигаться, не создавая особого шума. Подтаявший снег шипит под лыжами, сыплется крупной солью, тает на ремнях, обуви, насквозь пропитывая их влагой. И хоть наверняка знаешь, что будут еще и морозы, и холодный северный ветер со снегом, липкая сырость первого дождя, пробирающаяся во все закоулки одежды, – в это никак не верится под ясными лучами мартовского солнышка и теплого воздуха, гуляющего меж шершавых стволов деревьев. В такую пору весь лес как бы выносит приговор зиме, встречает наступающую весну.

Еще зимой в тридцати метрах от берлоги, у толстого ствола старой осины я устроил скрадок, воткнув в снег несколько густых еловых веток, которые притащил от просеки.

Теперь каждый день, как только оттаивал наст, я сюда приходил. Рядом со своим укрытием снимал лыжи и на них клал потрепанную одностволку двенадцатого калибра, которую в заповеднике за громкий выстрел и сильный бой окрестили «сорокапяткой». Рядом с осиной на всякий случай торчком ставил в снег охотничий топор с узким лезвием и длинной ручкой. Усаживался в скрадке поудобней и в бинокль наблюдал за берлогой.

За долгие часы наблюдений я изучил все ближайшие деревья, причудливые узоры на их коре, наросты, необыкновенно изогнутые сучки, напоминающие каких-то сказочных чудовищ, и каждый раз, усаживаясь на дежурство, беззвучно, про себя, здоровался с ними, как со старыми знакомыми. Снег около деревьев, росших на открытых солнцу местах, протаял кольцами до самой земли, и оттуда вызываясь топорщились зеленые листики брусники. Соринки, веточки, откуда-то затащенные ветром листики, нагреваясь от солнышка, тонули в снежных колодцах. Иногда набегал свежий ветерок, волнами перекачивал потеплевший воздух, весело шумел в елках, сорил на снег отмершей, почерневшей хвоей и убегал, путаясь в сучках и ветках деревьев. К четырем часам дня солнце клонилось к закату. Из посиневших кустов выползал мороз и принимался сковывать осевший за день снег – готовил к утру новый наст. Я спешил покинуть свое укрытие, чтобы не скрипеть лыжами по подмерзающей лыжне и не беспокоить медведей.

Уже на второй день наблюдений стало ясно, что в берлоге лежит медведица с малышами. Несколько раз оттуда слышалась какая-то возня, а однажды удалось ясно различить урчание, которое издают медвежата при сосании. Это был своеобразный звук, который ни с чем не спутаешь. Однако, сколько я ни всматривался в завораживающее чело берлоги, кроме гнилушек, втоптаных в грязный снег у самого входа, и нескольких крючковатых корней с обгрызенными концами, ничего не рассмотрел. Иногда мне казалось, что в глубине черной дыры кто-то шевелится, но кто именно, я не мог разобрать. Несколько раз, в самый полдень, медведица выползала из берлоги, изгибаясь при этом всем телом. Казалось удивительным, как такой большой зверь мог пролезть через маленькую дырку-чело. Выбравшись из берлоги, медведица энергично встряхивалась, прогибая спину, потягивалась. А потом, опустив голову к самой земле, начинала прислушиваться. При этом она медленно поворачивала косматую голову из стороны в сторону, насторожив круглые, широко поставленные уши. Не обнаружив ничего подозрительного, продвигалась к стволу сухой елки, стоявшей тут же, в двух метрах от чела берлоги, и усаживалась в протаявшую снежную ямку напротив солнца. В бинокль хорошо было видно, как она довольно шурилась, подслеповато моргала маленькими глазками и, задирая вверх морду, смешно ворочала черным, как печеная картошка, носом – нюхала приносимые ветром лесные запахи. Через 8—12 минут она поднималась, делала несколько неторопливых шагов к берлоге, разворачивалась и, чуть изогнувшись, беззвучно исчезала в ней, проскальзывая в чело задом наперед.

Прошло одиннадцать дней. Четыре последних дня я не ходил к берлоге, так как подул северный ветер. Скрадок располагался с северной стороны от берлоги, и я боялся, что мой запах, больше чем само присутствие, может повредить наблюдениям. Но, судя по приметам, погода испортилась явно надолго, и я решил побывать на своем наблюдательном пункте.

Холодный, сырой ветер дул рывками, гнал по небу низкие, рваные облака, из которых сыпались то крупа, то мелкие капли дождя вперемешку со снегом. Поглубже нахлобучив капюшон, поплотней запахнув полы куртки, я уселся в скрадке, с тоской поглядывая на серое небо. Вездесущие капли, бросаемые ветром со всех сторон, попадали на линзы бинокля, и их то и дело приходилось протирать. Работать с биноклем стало невозможно, и я убрал его в футляр. Из берлоги дважды были слышны звуки, похожие на стон, негромкая возня. Обычно за время своего дежурства мне один-два раза удавалось услышать «ворчание» медвежат. Во время кормления они издают характерное довольно громкое урчание, похожее на своеобраз-

ное мурлыканье. Но то, что я услышал, не было похоже на звуки, издаваемые медвежатами. Позже я догадался, что это было приглушенное берлогой беспокойное «ухание» медведицы.

К середине дня ветер усилился, лес натужно загудел, и в этом хаосе скрипов, и свистов уже ничего нельзя было разобрать. Не знаю, по каким признакам, но мне показалось, что у берлоги произошли изменения. Стало как-то тревожно. Гудел под порывами ветра лес, сыпавшаяся со всех сторон водяная пыль забиралась холодной сыростью во все щелки одежды, время тянулось тоскливыми минутами. Но я твердо решил отсидеть положенное время. Совсем неожиданно звонко щелкнул сломившийся сучок! У берлоги взметнулись вверх комья снега – и в следующий миг я увидел зверя! Медведица казалась круглой, огромной от вздыбившейся шерсти. С каким-то хрюканьем, перекатывающимися прыжками она бросилась в мою сторону! Я вскочил. Еловые ветки, закрывавшие скрадок, полетели в стороны. Еще ничего не сознавая, схватил топор, неистово заколотил им в ствол осины и закричал, перемежая слова, которых и сейчас не помню, с воплями! Нас разделяло три метра, когда медведица остановилась, круто взрыла лапами снег, развернулась и отскочила в сторону шагов на двадцать. Чуть постояла, как бы раздумывая, а потом, резко крутнувшись на одном месте, с дьявольским шипением и кашлем вновь бросилась ко мне. Выражение морды я не разобрал. Запомнились лишь толстый мясистый нос с двумя дырками и вытянутая треугольником верхняя губа. Я вновь заорал, срывая голос и размахивая топором. Не знаю, что подействовало – то ли мой голос, то ли вид, но медведица свернула в сторону, отбежала на 10–15 метров, обошла меня сзади и, разгребая лапами мокрый снег, скрылась в чаще.

Не сразу я поставил в снег топор, с трудом разжав прилипшие к топорщику пальцы. С усмешкой посмотрел на мирно лежащее ружье, до которого, конечно, не смог бы дотянуться вовремя. Повернувшись на онемевших от напряжения ногах, сел на лыжи и еще раз посмотрел на развороченный медведицей снег, лишь теперь по-настоящему оценив ситуацию. Страх не было, испугаться я не успел, но по телу разлилась неприятная тяжесть. Вспомнил, что перед самым нападением что-то писал в дневнике. Поискал его глазами и не нашел. Порылся в снегу и поднял его, весь слипшийся, с пересыпанными снегом страницами. Тут же про себя отметил, как важно вести записи простым карандашом, – его не смывает водой, – отыскал последнюю страничку записей и посмотрел на часы. Между временем, отмеченным в дневнике, и временем на часах было разницы полторы минуты. Значит, нападение медведицы длилось всего несколько секунд.

Обычно, стронутая с берлоги медведица оставляет свое потомство и не возвращается к нему, но мне не очень верилось в это, и, выстрелив вверх два раза «для острастки», а больше для того, чтобы избавиться от чувства забравшейся в душу тревоги, я встал на лыжи и ушел к палатке. Нужно было собраться с мыслями и хорошенько обдумать сложившуюся ситуацию.

В наши планы не входило изъятие медвежат из берлоги. Я планировал отловить медвежат после того, как медведица выйдет с ними из берлоги. Опыт такой работы у меня был. Случайность вносила свои коррективы в первоначальные планы. Если медведица не вернется к берлоге ночью, предоставлялась возможность получить медвежат, еще не знакомых с окружающей естественной средой. Это обстоятельство являлось более интересным с точки зрения намеченного опыта. В наши руки попадали медвежата, которые не ходили по лесу с медведицей-матерью и еще ничему от нее не научились. Медвежат я решил взять на следующий день: они уже достаточно подросли, и за ночь с ними ничего не может произойти, да и время лютых морозов уже прошло.

Ночью спал плохо. Едва забрезжил рассвет, как я уже шагал в ближайшую деревню за провизией для малышей. Молока мне согласилась дать одна сердобольная хозяйка, которой мой вид показался неважным. Бутылку нашел без особого труда, а соски взял в медпункте, отбиваясь от шутливых нападок местной медички, согласившейся ради моей просьбы открыть свое заведение раньше времени. В полдень я был на месте. Палатку пере-

нес поближе к лесу и подальше от дороги, по которой давно никто не ездил, но мог пройти трактор. Рядом с палаткой сделал навес, на который убрал продукты и все лишние вещи из палатки. Готовил дрова, место для костра и делал еще много всяких мелких дел, чтобы потом исключить у палатки лишний шум и меньше беспокоить непривычными звуками медвежат. Лишь в четвертом часу дня мне удалось выбраться к берлогу.

Подходил к медвежьему жилищу очень осторожно. То место, где располагалась берлога, обошел сначала по большому кругу. Внимательно рассмотрел все следы и отметил, что выходной след медведицы был, а входного не было. Однако я знал, что она могла пройти к берлоге по старым лосиным следам. Старые следы лосей встречались здесь во множестве, обтаяли от солнца и промерзали за ночь так, что утром свободно могли выдержать вес медведя. Могла она пройти к берлоге и по стволам упавших деревьев, которые громоздились здесь повсюду. Поэтому я долго смотрел на берлогу в бинокль, обошел ее еще раз совсем рядом и, лишь убедившись, что медведица не приходила, сбросил лыжи, встал на четвереньки и заглянул внутрь. В нос ударил хорошо знакомый медвежий запах. Вначале ничего нельзя было рассмотреть, но постепенно глаза привыкали к темноте, и я увидел грязный, засыпанный гнилушками пол, обгрызенный ствол трухлявой березы, перекрывающей вход в берлогу, а в самой глубине камеры рассмотрел черный шевелящийся комочек. Стоило мне только протянуть руку, как комочек фыркнул и исчез. Пролезть в чело я не смог, поэтому решил раскопать снег сбоку камеры и отсюда добраться до медвежат. Осмотрев еще раз берлогу со всех сторон, я обнаружил дыру, через которую медвежата уже вылезали наружу – на снегу отпечатались грязные кругляшки их лапок. Орудя лыжей, расчистил снег, и взору представились три перепуганных дрожащих малыша. Забившись в самый дальний угол, они жались друг к дружке. Раскапывая снег, я перекрыл им отступление в камеру берлоги. Спокойно, по одному, я достал шипящих, фыркающих малышей, положил в рюкзак и стал рассматривать. Один, головастый, крепкий, смешно таращил глаза. От страха вся шерсть на нем поднялась дыбом, и от этого он был похож на шар, на шее виднелось несколько белых волосков. Второй медвежонок, несколько меньших размеров, медленно ворочал круглой ушастой головой, весь вид его больше выражал любопытство, чем страх, – это была, как потом выяснилось, самочка. На шее у нее виднелось небольшое, с пятак, белое пятно. В самый угол обширного лесного рюкзака вжался третий – маленький, тонкоголовый, щуплый, дрожащий, с широким белым воротником, который кольцом опоясывал тонкую шейку. Черные бусинки его настороженных глаз неотрывно следили за каждым моим движением. Стоило протянуть руку, как он еще сильнее припадал к дну рюкзака и замирал. При этом первые два фыркали, делали страшные кособокие позы, расставляли лапки, вооруженные тоненькими острыми коготками, совсем как взрослые медведи. Я не стал беспокоить малышей долгим разглядыванием, завязал рюкзак, сделал необходимые обмеры берлоги и зашагал к палатке. Теперь у малышей должна начаться новая жизнь.

Новая мама

К палатке я добрался уже в густых сумерках, основательно перемесив на просеке вкопец раздрябший от наступившего тепла, насквозь пропитавшийся водой снег. Из рюкзака не было слышно ни звука. Забрался в палатку, осторожно снял драгоценную ношу и поставил на спальный мешок. Рюкзак зашевелил боками, из него послышались предупреждающие звуки – не то фыркание, не то кашель: косолапки решительно заявляли о своем присутствии. Я развязал рюкзак, предоставив малышам свободу действий, а сам вышел подогреть для них молоко. Вернувшись, обнаружил, что рюкзак стоит на своем месте. Мишки и не думали из него выбираться.

На улице горел костер. Свет его короткими отблесками освещал палатку, позволяя в какие-то моменты рассмотреть малышей. Видны были только две высунувшиеся из мешка круглые головки с торчащими вбок ушами. Недолго думая, я перевернул рюкзак вверх дном, слегка потрянул – и малыши вывалились живыми комочками к самым моим ногам. Но видно было так плохо, что я действовал больше на ощупь. Решил зажечь фонарик, направив его свет на крышу палатки, чтобы не испугать медвежат. Свет фонаря не произвел на них никакого впечатления, и я, не делая резких движений, стал по очереди предлагать медвежатам теплую соску, смоченную незнакомым молоком. Тут же малыши получили клички. Самый крупный стал Тошей, самочку я назвал Катей, а самого маленького, с белым ошейником, – Яшкой. Тоша деловито обнюхал соску, забрал ее в рот и немного пососал, удалось накормить и Катю. Яшка наотрез отказался есть, и все мои ухищрения ни к чему не привели. Как только я подносил соску ему ко рту он замирал, сжимался, каменел всем телом. Казалось, что даже глаза его останавливались, смотрели, не мигая, в одну точку, хотя при тусклом свете фонаря я не мог этого видеть. Я вставлял ему соску в рот и надавливал на нее пальцем, чтобы пошло молоко. Яшка не сопротивлялся, не двигался, но ворочал языком, выталкивал соску изо рта, и все молоко вытекало обратно. Я решил не мучить медвежонка, а дать ему привыкнуть к новой обстановке. Выставил молоко наружу, потушил фонарь и залез в спальный мешок, предоставив малышам самим выбрать себе место для ночлега.

Проснулся от того, что кто-то ворочался у самого моего лица, пыхтел и упорно царапал клапан спальника. Решил отодвинуть пришельца, но познакомился с острыми когтями. Зажег фонарик. Нарушителем оказался Тоша. Не обращая внимания на появившийся в палатке свет, он упорно лез ко мне в мешок, совершенно точно определив, что в мешке будет теплее. Я никак не разделял его желаний, повернулся на бок, закрыл клапан спальника, и Тоше ничего другого не оставалось, как смириться со своей участью. Он улегся рядом и тут же мирно засвистел носом, время от времени вздрагивая во сне, как маленький ребенок. Утром обнаружилось, что все три медвежонка, сбившись в кучу, спят на углу спального мешка. Мое появление их не очень обеспокоило, но они отодвинулись в дальний угол палатки и уселись на мотке капроновой веревки.

Утро только начиналось. Выбравшись из палатки, я умылся колючим снегом и принялся греть молоко. Угли костра засыпало ледяной крупой, которая выпала 'ночью, и мне пришлось настрогать «ежиков», чтобы быстро разжечь огонь. Дело это не хитрое, но требует определенного навыка. Нужно присесть на корточки, упереть нож обушком в колено и, двигая по лезвию сухой палкой, срезать с нее стружку за стружкой, не отрезая их совсем от палки. Получится ежик, т. е. палочка, от которой во все стороны торчат стружки. Загора-

ются ежики быстро. Три-четыре таких ежика позволяют без особого труда развести костер в любую погоду.

Из двери палатки изредка выглядывали смешные мордочки, с любопытством водили глазами и тут же исчезали обратно – ни один из медвежат так и не решился выйти наружу. Как только я принес молоко, Тоша и Катя самостоятельно пососали из тугой соски, а с Яшкой пришлось повозиться. Усевшись с ним рядом, я осторожно вставлял ему соску в рот, но медвежонок тут же поворачивал голову набок – и соска выпадала. Я вновь аккуратно вставлял ее обратно. Яшка, как заводная игрушка, медленно поворачивал голову в другую сторону – и соска опять выпадала. Так продолжалось несколько минут. Я уже совсем отчаялся его покормить, как вдруг он засосал быстро-быстро. Уши его при каждом глотке нервно вздрагивали, морда вытянулась, немигающие, округлившиеся глаза остановились, весь он напрягся, и только черный нос нетерпеливо шевелился из стороны в сторону. Так же неожиданно, как и начал, он бросил сосать и замер. Но теперь-то я знал, что его можно накормить!

Еще долго Яшка сосал плохо. Это был очень худой медвежонок – мешочек с костями. Первые дни он отсиживался где-то в уголке палатки, предпочитал одиночество. Тоша с Катей проявляли активность, деловито обследовали палатку, часто затевали игру. Уже с первого кормления, как только медвежата забирали соску в рот и начинали сосать, они издавали характерные ритмичные звуки «...ер-ер-ер-ер-ер-ер-ер...». Такие звуки медвежата издают, когда сосут медведицу. Значит, они приняли искусственное питание. После еды малыши быстро засыпали. Было интересно наблюдать, как только что шаливший медвежонок поворачивался на живот или на бок и мгновенно засыпал, как будто выключателем щелкнул! Дневной сон редко продолжался дольше 40 минут. Проснувшиеся малыши часто играли. Игра эта была веселая, но неумелая — "они тыкались носами друг в друга, толкались лапами и тут же расходились. Палатку они обходили постоянно, внимательно обследовали утлы, спальный мешок, лежавший моток веревки и все завязки на двери.

Прошло уже больше суток после того, как я принес медвежат, но они еще ни разу не опорожнились, Я заглядывал во все закоулки палатки, в складки спального мешка, в моток веревки и ничего не находил. Я делал им положенный массаж, регулярно протирал анальную часть тела ваткой, слушал, бурчат ли животики. Животики бурчали, лужицы были, а фекалий не было. Они появились через двое суток – небольшие колбаски грязно-зеленого цвета, причем одновременно у всех троих, чему я был бесконечно рад.

В хлопотах прошло два дня. Снегу было еще много, и я все раздумывал над тем, как такие маленькие медвежата – вес каждого едва достигал двух с половиной килограммов – могут следовать за матерью по лесу. Дело в том, что малыши должны идти точно следом за матерью. Если медведица пойдет по снегу, они неминуемо провалятся в лунки ее следов. Крепкие насты, способные выдержать вес медведя в здешних местах, – явление редкое. По-видимому, по этой причине семья покидает берлогу, когда в лесу появляются обширные проталины, однако и в эту пору малышам нужно быть достаточно физически подготовленными, чтобы преодолевать лужи, валежник и другие бесчисленные препятствия, которых в лесу так много. Вскоре медвежата рассеяли все мои сомнения, преподав урок истинного мужества.

Была вторая половина дня. Солнце щедро светило, а с юга подул слабый, но ровный, плотный, напоенный теплом ветер. Снег таял на глазах. Под ним показалась вода. Белый, искристый, подернутый блестящей корочкой наст превратился в мокрый грязно-серый снег, рассыпающийся от легкого прикосновения на ледяные крупинки. В лесу появился особый запах, какой бывает только весной, когда еще не лопнули почки, но деревья уже прогрелись, и кисловатая прель старой осинової коры смешалась с тонким ароматом разогретой еловой смолы. Упругий ветер шевелил повислые веточки берез, толкал в лицо мягкими волнами.

Беспрестанно тянула свою нежную, весеннюю песню синица, во всех концах леса тархтели дятлы. Стояла такая пора, что дух захватывало! Из сказочного царства меня

негромко, но настойчиво вывели медвежата. Я оглянулся. Три малыша сидели снаружи палатки и таращили глаза на окружающий их мир. Я решил не загонять детенышей обратно – пусть побудут на солнышке – и отошел к навесу, что-; бы набрать в котелок чистого снега для чая. | Услышав за собой какой-то шум, я оглянулся и поразился – все три медвежонка бежали ко мне. Проваливаясь в снег, они отчаянно карабкались из него, обваливая сыпучие края, лезли, лезли вперед! Когда нас разделяло пространство в метр, они внезапно остановились. Значит, те два дня, что мы провели в палатке вместе, не прошли даром. Медвежата перестали меня бояться, ознакомились с моим запахом, а перемещающийся на светлом снежном фоне темный объект, т. е. я сам, вызвал у них стремление двигаться за ним. Иначе говоря, проявилась реакция следования, которая бывает выражена у животных, ведущих семейный образ жизни. Это один из главных механизмов, обеспечивающих детенышам связь с матерью, – везде и всегда следовать за ней, причем на таком расстоянии, чтобы не отстать, не потерять ее из вида. Чтобы проверить свое предположение, я решил медленно пройти по просеке вдоль полянки, на которой стояла палатка.

Реакция следования у медвежат 1-го года жизни

Как только расстояние между нами стало увеличиваться, медвежата решительно двинулись следом. Я чуть прибавил шагу – и малыши рванулись вперед. Они бесстрашно бросались в лужи, карабкаясь через валежник, падали, тут же вскакивали и вновь спешили вперед, пробираясь сквозь мелкий кустарник, который должен был казаться им настоящим лесом! Ничто не могло остановить их стремления во чтобы то ни стало не отстать, догнать меня. Было заметно, что малыши сильно возбуждены. Они часто дышали приоткрытыми ртами, движения их стали резкими, торопливыми. Догнав меня, они остановились у самых моих ног. Все трое мелко дрожали от охватившего их напряжения. Я пожалел малышей. Медленно передвигаясь, выбирая места посуше, пошел к палатке, сопровождаемый эскортом маленьких, но упрямых, стойких и сильных зверюшек.

Мне не раз приходилось слышать, как медведица подзывает к себе медвежат. Звук этот не очень громкий, но чистый и похож на щелканье языком, только пониже тональностью. Возможно, медведица и производит его с помощью языка и небной перегородки. Нечто похожее можно слышать у всех медведей (у самцов тоже), когда они бывают возбуждены. Между тревожными «у-фф, чу-ф-ф-, чу-ф-ф» иногда различается короткое негромкое «нго». Это и есть звук, похожий на позывной сигнал медведицы. Как только медвежата пошли за мной, я, больше произвольно, чем продуманно, стал щелкать языком, приблизительно имитируя звуковой сигнал медведицы-матери. Быстро сообразив, что это будет необходимо в дальнейшей работе с малышами, я продолжал щелкать языком, регистрируя временной интервал между отдельными сигналами в серии, число и продолжительность серий. Потом все это записал. В дальнейшем звук сигнала изменился – я научился подавать его громко, и он безотказно служил надежной связью между мною и медвежатами в продолжении всей работы.

На следующий день мы снова прошли по лесу. Я шел впереди, подавая время от времени звуковой сигнал, малыши спешили сзади, стараясь не отстать от меня более чем на метр. Прогулка затянулась, так как медвежата быстро научились обходить лужи, мелкие препятствия, встречающиеся на пути, а я двигался медленно, то и дело останавливаясь и дожидаясь их. Вид у них был сосредоточенный и спокойный, но лишь до того момента,

пока я не начинал убыстрять шаги. Как только расстояние между нами увеличивалось до 3–5 метров, медвежата бросались напролом, сильно спешили и возбуждались до такой степени, что начинали нервно вздрагивать, а потом и трястись всем телом так, что ноги их ходили ходуном. Заметив, наконец, что резиновые сапоги и теплая куртка имеют явное преимущество перед «медвежьей одежкой», я поспешил в палатку. Детеныши промокли насквозь, и на спальном мешке сразу появилось несколько пятен, по всей видимости, не только от того, что медвежата вымокли. Тут же, сбившись в плотный комок, они заснули крепким сном, не дожидаясь, когда я приготовлю им молоко. Вот так я стал для медвежат «стимул-объектом», подменив им мать. Конечно, такая связь укреплялась еще и через кормление, но все же пища не могла оказать на медвежат столь сильное воздействие, что и подтвердилось в дальнейшем.

Медвежата быстро усвоили вид самой бутылки, связь бутылки с молоком и мною, однако четко знали свой режим, и в первые недели никакого попрошайничества не было. Кормил я их три раза в день досыта. Мне и в прошлом приходилось начинать кормить взятых из берлоги медвежат, поэтому я знал, что сразу давать им новый корм в достаточном количестве нельзя – может приключиться запор или понос, что довольно опасно для их здоровья. Поэтому после первого кормления медвежата в течение двух суток выдерживались на голодной и умеренной диете. Я давал им пососать немножко и тут же убирал соску. Пользуясь этим правилом, мне без всяких происшествий удалось скормить медвежатам весь запас сгущенки и сухого молока в то время, когда разлились ручьи и ходить в деревню за молоком стало трудно.

Необыкновенный концерт

Время шло. Я решил, что медвежата уже достаточно хорошо освоились со мной и их необходимо переправлять на центральную усадьбу заповедника для подготовки к дальнейшей работе. Вести за собой малышей по труднопроходимым лесным дорогам за 16 километров я не решился. Нести всех троих в одном рюкзаке почему-то посчитал неправильным и как горько потом об этом пожалел!

Вечером, как только стало темнеть (обычно всю ночь медвежата спали непробудным сном), я крепко зашнуровал вход в палатку, предоставив медвежатам все ее содержимое, и бесшумно ускользнул к дороге. Уже давно я не был дома и, подгоняемый предстоящей встречей с женой и детишками, бодро зашагал, с шумом расплескивая многочисленные лужи на вконец раскисшей проселочной дороге.

Дома еще никто не спал, когда я, грязный до самой макушки, ввалился в дверь. В палатке я привык к тишине, с мишками не разговаривал и поэтому буквально был оглушен возгласами, многочисленными вопросами, отвечая на которые, едва смог помыться и поесть. От разговоров почувствовал такую усталость, будто прошагал не 16, а все 100 километров. Но спать было еще нельзя – нужно было обсудить все возможные варианты доставки медвежат из леса на усадьбу. Привозить на лошади их нельзя – не известно, как они впоследствии будут реагировать на ее запах. Больше доставлять было нечем, и решили притащить медвежат в рюкзаках, посадив каждого в отдельный, чтобы обеспечить им лучший комфорт. Утром нужно было быть у палатки. Для сна оставалось совсем мало времени. Я предоставил жене возможность вести ночные переговоры с сотрудниками, а сам, едва добравшись до постели, уснул мертвым сном.

Помочь вызвались два молодых охотоведа, работавшие в заповеднике. Мы вышли из дома еще ночью, рассчитывая пораньше прийти к палатке. Но как ни спешили, к месту дошли, когда солнце уже поднялось высоко над лесом – весной здесь ночи короткие. Первое, что представилось взору, расхаживающие на свободе медвежата. С нескрываемым любопытством они уставились на приближавшихся носильщиков. Кто-то из зверушек, прорвав ткань, сумел сделать достаточно широкий проход прямо в стенке палатки, не утруждая себя развязыванием сложных узлов шнуровки двери. Я в меру, в расчете на дорогу, накормил медвежат. Попросил своих спутников воздержаться от разговоров. Мы рассадили малышей по мешкам и тронулись в путь. Все остальное имущество решено было забрать вьючной лошадью, так что груза у нас почти не было. Привыкшие к тяжелым рюкзакам, мы представляли себе доставку медвежат на усадьбу приятной прогулкой.

Первые три километра малыши вели себя спокойно. Неторопливо шагая, мы шутили вполголоса насчет косолапиков: вместо одной палатки теперь у них оказалось три «дома» – каждому свой, да еще «на колесах». И тут негромко, но ритмично, нудно и настойчиво в рюкзаке моего соседа стала вякать Катя. Вякает одну минуту, вякает пять. Мы стали беспокоиться за ее благополучие. Остановились, развязали рюкзак, осмотрели замолчавшего медвежонка – все было в порядке. Завязали рюкзак – и снова в путь. Через некоторое время из рюкзака опять послышалось знакомое вяканье, теперь уже более громкое. Смутьившийся почему-то мой напарник сказал: «Авось утрясется». Но мы все, не договариваясь, прибавили шаг. Вяканье не прекратилось, наоборот, усилилось, и в нем явно слышалось раздражительное, с хрипотой, ворчание. Ворчание с вяканьем! Идти нужно было еще добрый десяток километров. Мы несли «музыкальный» рюкзак по очереди. Несколько раз развязывали его, вытаскивали Катю, разглядывали ее со всех сторон. Мы заглядывали ей в уши, в нос, осматривали ноги, хвост, глаза, я щупал ей животик, делал массаж – она молчала. Но стоило посадить ее в рюкзак, как через 10–15 минут хода она начинала рвать. Мы пересаживали мед-

вежат, трясли и качали Катю – все было напрасно. Чуть отдохнув, она опять начинала орать, теперь уже изо всех своих сил! Мы шли очень быстро, даже бежали. Пот градом катился с наших растерянных лиц, кровь молотком стучала в висках, и было лишь одно желание – добраться быстрее домой! Но, перебивая все, набатом гремела в мешке Катя! Мы еле это выдержали. С заплетающимися ногами, семенящей трусцой ввалились в калитку. Забежали в дом, дрожащими руками развязали мешки и вытряхнули медвежат на деревянный, залитый солнечным светом пол веранды. Катя тут же прижалась к Тоше и Яшке (взъерошенный вид обоих показывал, что они неплохо поспали за дорогу), что-то чуть слышно промурлыкала и улеглась. Ни звука! По ее виду вовсе нельзя было предположить, что она перенесла трудную дорогу. Мы ошарашенно переглянулись. Все объяснилось просто – Катя не выносила одиночества, а я получил добрый урок.

Нашествие

Дом наш стоит на краю поселка, у самого леса. Просторная застекленная веранда выходит на южную сторону, к солнцу. Там мы и поместили медвежат, убрав предварительно все посторонние предметы. Одна дверь веранды выходила во двор, а вторая – в комнату, так что мы могли заходить к медвежатам с любой стороны. Кормлением малышей занялась жена. Кормили их еще из бутылок с соской, каждого в отдельности, но если нас было двое, мы сразу брали три бутылки и кормили всех троих. На руки медвежат брать никому не разрешалось, и это выполнялось беспрекословно. Не разрешалось играть с ними, так что основные контакты у них были друг с другом. Медвежата росли быстро, и уже через неделю я стал подумывать, куда бы их определить на время переродки.

Быстро достать хорошую клетку не представлялось никакой возможности. Я съездил в город, знакомый механик помог подобрать металлические уголки, нашлась и вольерная сетка, так что дело оставалось за разработкой чертежа и сваркой. Вдвоем с местным кузнецом, который согласился мне помогать, мы принялись делать дом для медведей.

Появление в поселке медвежат вызвало всеобщий интерес. Все считали своим долгом при встрече как можно подробнее расспросить меня обо всем, что касалось детенышей и работы с ними. Вопросы были самые разные. Я отвечал, как мог. Отшучивался, либо подолгу, в деталях, излагал предстоящую работу, пускался в рассуждения о медведях вообще, об отношении их к человеку и человека к ним и т. д. Наконец, мне это так надоело, что, заведя очередного нового человека, я старался куда-нибудь сбежать или махал руками, отвечал невпопад на сыпавшиеся вопросы и делал вид, что очень спешу. Люди пожимали плечами, разводили руками и, наконец, отстали. Другое дело – сами медвежата.

В. С. Пажетнов, Тоша, Катя и Яша. 1975 г. (фото И. Б. Бавыкина)

Разговоры о них подстегивали любопытство, особенно у вездесущих мальчишек, которые пытались пробраться к веранде своими тайными тропами. Если я встречал очередных лазутчиков около веранды, они делали невинные физиономии и говорили мне, что забрели сюда совершенно случайно. Но были и особо настойчивые взрослые, в том числе и из заезжих в заповедник гостей, которые считали, что они могут посмотреть на медвежат и законов, которые бы запрещали это делать, еще никто не написал. Мы решили пойти на компромисс. Теперь к веранде разрешалось подходить всем в присутствии хозяина и с условием, что никто не будет разговаривать. Однако как в присутствии нас, так и в наше отсутствие со стороны веранды все же довольно часто раздавались громкие восторженные возгласы и взрывы смеха. Медвежата несколько не смущались любопытных глаз посетителей. Забавно кувыркались, боролись, отвешивали друг другу затрешины, падали, громко стучались лбами о дощатый пол и, как нарочно, выставляли напоказ черные, голые («... смотри-ка, как у людей!») пятки. За время пребывания медвежат на веранде цветы с этой стороны дома были затоптаны, часть забора сломана и выбито два стекла в раме. Появились неизвестно откуда притащенные малярный козел, обломок лестницы, две разбитые табуретки и доска – все для того, чтобы забраться повыше и лучше рассмотреть медвежат.

Я ломал голову над неразрешимой задачей – как быть с непрошеными гостями, когда мы переведем медвежат в клетку? Место для установки клетки выбрали в лесу, и это почти исключало возможность действенного контроля. Но вскоре к медвежатам привыкли, наплыв посетителей резко спал, и все дальнейшие хлопоты с размещением малышей завершились самым лучшим образом. Заручившись поддержкой дирекции заповедника, мы постепенно перекрыли свободный доступ к медвежатам. Это был важный шаг. Появилась возможность выпускать их для прогулки в лес на небольшую вырубку с уверенностью, что нам не помешают. Здесь были сделаны первые наблюдения за поведением развивающихся медвежат. На этом этапе работы нам помогали многие сотрудники заповедника, любезно взявшие на себя обязанность терпеливого объяснения несведущей публике о вредности праздного любопытства для проведения работы с мишками.

Первые прогулки

В 50 метрах от дома, в окружении красивых кудрявых елок, мы поставили клетку – прочную, ажурную и легкую, размером 2,5 на 4 и высотой 2 метра. Но прежде чем перебраться в клетку, медвежата успели влезть в комнату через дверь, которую кто-то из нас забыл плотно закрыть. Я вошел в дом со двора и, услышав необычный шум, заглянул в зал. Первое, что увидел, были опрокинутые цветочные горшки, рассыпанная по всему полу земля и жалкие остатки цветов. Перемазанные землей мишки деловито расхаживали по комнате и старательно вдавливали в земляные россыпи эти остатки. Каждый был занят своим делом, и на меня они едва посмотрели. Я водворил их на место, собрал землю в оставшиеся целыми горшки и попытался воткнуть в них жалкие остатки цветов. Усилия вернуть цветам жизнь, конечно, оказались напрасными. Я взялся за веник, лихорадочно обдумывая возможный разговор со своей женой, имевшей к цветам особое пристрастие. Ничего хорошего не придумал и покорился судьбе – будь, что будет. Разговор состоялся. О медвежатах было высказано несколько вовсе не обидных для них слов, а я выслушал короткую лекцию о достойном поведении мужа в отсутствие жены. На том все кончилось.

На другой день медвежат перевели в клетку, но за ночь они успели выбить на веранде несколько стекол, так что я был очень рад, что зверушек вовремя убрали из дома. Клетка им понравилась. Они обошли и обнюхали все углы, по очереди залезли в будку и... попросились гулять. Это была обычная прогулка, которые мы устраивали уже целую неделю, но теперь медвежат не нужно было вести в лес или на поляну через двор, и этот маленький штрих доставлял удовольствие. С этого дня каждое утро до кормления я выходил с медвежатами в лес. Если я останавливался, останавливались и они и, чуть постояв, начинали деловито сновать между колод и пней, залезали под коряги и вообще проявляли максимум активности, а их любопытству не было предела. То и дело кто-то из медвежат, привлеченный запахом, начинал крутиться на одном месте. Тыкался носом в одно место, в другое, пыхтел, что-то царапал лапами и бежал дальше. На ходу скусывал листик травы, выплевывал его, смешно морща нос. Поднимаясь на задние лапы, цеплялся за нависшие над землей веточки деревьев, срывал один-два едва развернувшихся листика, не удержав равновесия, валился на бок, вскакивал и бежал дальше. На вырубке медвежата впервые начали поедать едва проросшую звездчатку. Позже, как только начала прорасти трава, они пробовали всякую попадающуюся им на пути зелень. Но быстро приспособились выбирать те растения, которые им больше нравились: сочные стрелочки злаков, листики сныти. После утренней прогулки, длившейся обычно около часа, медвежат сажали в клетку и подготавливали все для их кормления. Около клетки выставлялись миски, в которые разливалась приготовленная на молоке овсяная каша.

Медвежата сразу, чуть ли не с первого кормления, распределились и четко знали, где чья миска стоит. Было происшествием, если кто-либо из них впопыхах путал миску. Нарушитель порядка тут же подвергался резкой атаке хозяина, но, ткнувшись мордой в кашу, уже никак не желал понимать, что попал не в свою тарелку, и тогда вспыхивала жестокая драка. Миски летели кувырком, каша разливалась, а рычащие медвежата, зачуяв запах разлитой пищи – их «добычи», – дрались еще жестче, катая друг друга в остатках каши. В таких случаях приходилось немедленно вмешиваться, чтобы не допустить травмирования малышей. И хотя дрались медвежата редко, но на шее каждого из них можно было нащупать не один скатавшийся комок от засохшей крови шерсти.

В рацион мишек входили яйцо, творог и трава, которую они всегда охотно поедали. В клетку сразу после кормления выкладывался кусочек черного хлеба. У медвежат быстро выработалась реакция на эту подачку, и они, закончив есть, забегали в клетку. Впоследствии

этот прием во многом облегчил работу. Если необходимо было посадить медвежат в клетку, им показывали кусочек хлеба, и они наперегонки бежали к клетке. Хлеб никогда не давали с рук, а бросали кусочек на пол, соблюдая при этом обязательное условие: каждый медвежонок должен был получить свой кусок, во избежание возможной драки за лакомство. Также в клетку бросали и свежую траву, когда медвежата там уже сидели.

Первая прогулка

Позже я стал уводить медвежат в лес после утренней кормежки, т. к. было получено разрешение администрации на работу с ними в любое время. В ста метрах от клетки в лесу располагалась живописная поляна. Посредине ее громоздилась поверженная ветром толстая сучковатая осина, тянулись вверх несколько рябинок и осин, на кочках росла брусника, желтыми прутьями торчали кусты старой малины, на которых едва прорезались первые светло-зеленые листики. На краю поляны росла ива-бредина с затейливо изогнутыми сучьями, росшими от ствола во все стороны. В ясный день поляна была щедро залита солнцем. Кольцом окружавшие ее громадные елки сдерживали ветер. Порывы его, гудевшие в раскачиваемых вершинах, гасли, терялись в густых ветках, не достигая земли. Здесь было тепло и уютно.

В трехмесячном возрасте медвежонок может взобраться на толстое дерево

Уже с первых прогулок медвежата начали учиться влезать на деревья. Вначале они освоились с толстым стволом поваленной осины. Кое-как вскарабкавшись на него, разгуливали по стволу взад-вперед, как по дороге. Потом облюбовали иву, она стала первым и, пожалуй, самым любимым деревом, на котором они обучались лазанию вверх. Темно-коричневая кора ивы была сплошь в глубоких трещинах. Боковые ветви этого старого, невысокого дерева начинались в полутора метрах от земли и тянулись то горизонтально, то закручиваясь в замысловатые узлы. Вначале мишки не решались взбираться по стволу выше, чем на метр. Было видно, что залезать по дереву вверх им легче, чем спускаться вниз. Быстро перехватывая лапками, медвежонок залезал до метровой отметки, потом как-то терялся, начинал смотреть вниз. Поворачивая голову то вправо, то влево, подрагивая от напряжения, а, возможно, и от страха, он начинал медленно спускаться, изо всех сил цепляясь за кору когтями. Если в этот момент лапа срывалась, малыш буквально «прилипал» к стволу, морда его принимала испуганно-растерянное выражение, и лишь убедившись, что держится крепко, он возобновлял спуск. Ствол дерева он отпускал только тогда, когда задние лапы прочно стояли на земле. Каждый день мишки тренировались в лазании, не зная в этом занятии усталости, и через неделю их можно было видеть уже на самой макушке ивы. Спустя две недели они стали ловкими верхолазами и освоили все сучки покрывшегося первой листвой дерева. Даже умудрялись затевать возню на самом верху, толкая друг друга, но при этом орудовали только одной лапой, а тремя другими цепко держались за ветку, на которой сидели.

Отдых на первой прогулке

Теперь медвежата не обходили вниманием и толстые сучья осины с гладкой, сильно засохшей корой, на которые влезать было довольно трудно. Чтобы удержаться на таком сучке, нужно было иметь сильные лапы и крепкие когти. Гигантское дерево, рухнув, создало целый завал из обломившихся и оставшихся лежать на стволе толстых сучьев, между которыми и сновали расшалившиеся мишки. Они быстро проскальзывали из одной дыры в другую, беспрерывно меняли место и занятие, показывая при этом поистине акробатические номера. Игра кончалась так же внезапно, как и начиналась. Только что бегавших взапуски малышей уже можно было видеть деловито лазающими между трухлявыми пнями и моховыми кочками, где они старательно выискивали личинки короедов, которыми можно было поживиться. Вначале я оставлял заигравшихся медвежат и незаметно уходил, чтобы заняться своими обычными делами на работе, которых с появлением медвежат не убавилось. Первые 6 дней это /давалось. Мишки оставались на полянке до тех пор, пока я к ним не приходил. Приближаясь, я подавал звуковой сигнал, детеныши дружно отвечали, бежали навстречу, и мы шли обедать. Позже они освоились с дорогой и стали прибегать к клетке сами.

Утомился

В нашем доме жил щенок по кличке Булька. Булька представлял собой смесь лайки с гончей, у него всегда был взбалмошный внешний вид: винтом закрученный хвост, ясные простодушные глаза и мягкие длинные уши, висевшие тряпкой. Он унаследовал окрас гончей, а голос, звонкий, режущий слух, ему достался явно от лайки. Каким образом этот щенок сумел подружиться с медвежатами, мне так и осталось неизвестным. Однажды я увидел медвежат около клеток вместе с Булькой. Они бегали, прыгали, катались, боролись и так были заняты игрой, что не заметили моего прихода. Кое-как разбив теплую компанию, я унес Бульку в вольер и запер. Но вскоре он отыскал в вольере дырку, вылез, прибежал к клетке и пытался затеять игру с медвежатами теперь уже через сетку – лаял, визжал, припадал к земле на все лапы, подпрыгивал вверх, одним словом, ходил колесом! Заделав в вольере все дырки, я надежно изолировал Бульку. Теперь-то он не мог вылезти, и я с сознанием надежно выполненной работы пошел в контору заповедника. Вслед мне раздался душераздирающий вой! Но я решил выдержать характер и не выпускать Бульку к медвежатам. В условия эксперимента вовсе не входило наличие контакта собаки с медведями! Вой продолжался, вой на высоких нотах, с тоскливыми переливами. Я, конечно, мог выдержать все упрямые требования Бульки, но сотрудники конторы расценили мою стойкость иначе. В их глазах я выглядел если и не жестким насильником по отношению к домашним животным, то и не лучшим хозяином и, наверняка, плохим хозяином своего двора. Булька выл весь день. Следующее утро началось также с воя. Вой тянулся, плыл над утренним, тихим лесным поселком, будоражил хозяйских собак, которые в свою очередь начинали то лаять, то тоскливо выть. В конторе, как мне показалось, со мной коротко, сквозь зубы здоровались сотрудники, отводили в сторону глаза, стараясь пройти быстрее мимо. Я решил махнуть рукой на все методики,

дабы сохранить свое нормальное положение в обществе. Булька в лес не ходил и основной нашей работе причинить вреда не мог. Я выпустил ошалевшего от неожиданной свободы щенка – пусть играют, пока маленькие.

Опасаясь, как бы удирающие из леса медвежата не вышли в поселок, мы решили присматривать за ними по очереди. И тут выяснилось, что в лесу они ни с кем, кроме меня, не желают оставаться. Они убегали от жены, которая их обычно кормила (у клеток малыши оказывали ей особое внимание), и от лаборантки, которая начала с ними работать. Неоднократно я заводил мишек в лес, оставлял их с кем-нибудь из женщин и потихоньку уходил. Выбравшиеся на волю малыши принимались за свои обычные дела, но как только обнаруживали мое отсутствие, во всю прыть бежали к клетке, не обращая внимания на все старания временного сторожа. Предполагая, что такое поведение медвежат обусловлено особой связью со мною через реакцию следования, мы провели серию опытов.

Известно, что через реакцию следования поддерживается непосредственная связь между матерью и детенышами в момент движения. Реакция эта основана на запоминании, а вернее – на «запечатлении» детенышем матери или иного движущегося объекта в так называемый чувствительный период. Этот период бывает особенно остро выражен в тот момент, когда появившийся на свет молодяк становится способным следовать за матерью. Чувствительный период может продолжаться от нескольких часов (после вылупления птенцов у выводковых птиц), до нескольких недель и даже месяцев (после рождения детенышей у различных млекопитающих). Однако позже, т. е. в том возрасте, когда детеныш начинает бояться всяких новых незнакомых предметов, звуков, запахов, чувствительный период подавляется реакцией страха. Например, у котят домашней кошки собака не вызывает чувства страха до известного возраста, и они доверчиво лезут к своему «врагу». Запечатление детенышем стимул-объекта заключается в том, что он с первого взгляда сразу запоминает контуры, размеры и формы, а также запах, издаваемые звуки и т. п. того предмета или животного, за которым потом будет следовать. Удаление такого предмета от детеныша вызывает у последнего сильное возбуждение, что только способствует упрочению связи между стимул-объектом, или матерью, и объектом следования, т. е. детенышем. Чтобы проверить наличие феномена запечатления в реакции следования медвежат, мы неоднократно пытались переадресовать следование медвежат с меня на знакомых им людей: на мою жену и лаборантку. Сделать этого так и не удалось, за исключением одного случая, о котором я расскажу позже.

Несмотря на то, что женщины кормили мишек (связь детенышей с ними через пищу существовала), те упорно отказывались оставаться с женщинами в лесу, если я исчезал. Так подтвердилось наличие феномена запечатления в реакции следования, которая, по всей видимости, проявляется у медвежат сразу после выхода семьи из берлоги. Для проявления этой реакции как раз и создались условия, близкие к естественным. Пока медвежата сидели в палатке, они хорошо в ней освоились, и палатка стала для них как бы берлогой. Мое постоянное присутствие в палатке и, возможно, кормление, создали условия, при которых я как бы подменил им медведицу-мать. Когда медвежата в первый раз вышли из палатки, мое передвижение по яркому снегу у них на виду и вызвало проявление реакции следования. Они запечатлели меня как стимул-объект раз и навсегда и не изменили этому правилу до конца работы. Так и образовалась «семейная группа», связанная, с одной стороны, реакцией следования, а с другой – желанием больше узнать о жизни этих удивительных существ. Пришлось отказаться от всякой помощи и выходить на прогулку с мишками самому.

Теперь работа с медвежатами занимала все мое рабочее время. Такое положение не позволяло нормально выполнять работу по порученному мне разделу основного научного проекта заповедника. Для работы с медвежатами нужно было получить согласие у дирекции заповедника на исключение меня, как исполнителя, из основного проекта и разрешение на

двухлетнюю работу с медвежатами на территории заповедника по новой программе. Проблему обсудили на заседании ученого Совета заповедника, меня частично «отстранили» от выполнения основного проекта и разрешили работать с медвежатами в заповеднике. Работа оказалась очень непростой, но интересной, а это – самое главное в любом деле. При этом трудности, как только они проходят, кажутся мелким, совсем мало значащим недоразумением!

Первый поход

В начале июня медвежата заметно окрепли, выросли, приподнялись на ногах, отчего выглядели поджарыми, угловатыми. Эту неуклюжесть несколько скрашивала пушистая шерсть, которой они обросли. Особенно длинные волосы выросли на холке и задних ногах. Движения их во время игры стали резкими, сильными. Нередко игра переходила в настоящую потасовку, напарники начинали отвешивать друг другу увесистые пощечины, но истинной драки при этом никогда не возникало. Если медвежонок получал сильный толчок от напарника, то не старался дать сдачи, а отходил в сторону – и все разом прекращалось. Булька уже давно не показывался в их владениях, т. к. однажды получил настоящую трепку. Силы стали далеко не равными, и Булька уразумел, что контакты с мишками для него небезопасны. Во время прогулок медвежата охотно ели траву, быстро и ловко лазали по деревьям, что-то искали в лесной подстилке, трухлявых пнях и с удовольствием поедали личинок хрущей и короедов, отыскивая их под корой мертвых деревьев. На игры теперь уходило значительно меньше времени. Медвежат кормили умеренно, и им волей-неволей приходилось пополнять свой пищевой рацион за счет естественных добавок.

В середине июня мы решили посмотреть, как будет вести себя медвежонок в естественных условиях, не получая никакой подкормки в течение трех дней. Масса мишек уже составляла более 10 килограммов, и трехдневная голодовка не могла серьезно отразиться на их здоровье. Самым сильным выглядел Тоша. Крепкая стать, спокойные, решительные и расчетливые движения, самая большая масса (13 килограммов) по сравнению с другими медвежатами определили выбор, и я стал готовиться к первой экскурсии.

С вечера тщательно просмотрел намеченный маршрут на карте-схеме, перебрал и уложил в рюкзак вещи так, чтобы во время ходьбы ничего не стучало и не скрипело. Утром, едва наметился рассвет, мы тронулись в путь. Уходили по хорошо набитой тропе через поляну, которая медвежатам была знакома до мелочей. До самой поляны Тоша бежал впереди. Но как только мы ее прошли, пристроился сзади и следовал за мною, не отставая дальше 5–6 метров, – сказывалось незнакомое окружение. По шатким мосткам перешли речку Межу. Межа, крупный приток Западной Двины, здесь, в верховье, текла узкой, извилистой лентой чистой воды. За рекой лежал широкий луг. Седой от легкого, чуть *стелющегося над самой землей* тумана, луг бархатной скатертью разбежался перед нами, весь расшитый желтыми пестринами цветков лютика, матово-сиреневыми колокольчиками, белыми блестками крупных ромашек. Целостность его покрова нарушал только наш след: смятая трава со сбитой росой тянулась темной, выделяющейся полосой. В один миг и я, и Тоша насквозь промокли. Брюки липли к коленям, неприятно холодили ноги, Тошу излишки влаги, казалось, нисколько не беспокоили – он лез в самые густые заросли травы, которые обливали медвежонок крупными холодными каплями росы. Наконец, в разрывы между деревьями проглянуло солнце. Широкие светлые лучи его, приглушенные дымкой, пошарили по лугу, ближайшим деревьям, и вот ярко-желтый диск выплыл из-за леса, заливая все вокруг теплом и светом. Роса, повисшая на кончиках волос медвежонок, вспыхнула, переливаясь маленькими звездочками, отчего Тоша, оказавшийся от меня как раз напротив солнца, показался сказочным существом, одетым в легкую, серебристо-прозрачную одежду! Но вот он проскочил мимо и сразу потух, стал обыкновенным темно-коричневым медвежонок.

Первая проба новой пищи

Двигались мы медленно. Тоша неугомонно бегал по сторонам, понемногу ел траву, лазал на деревья и развил такую бурную деятельность, что я едва успевал делать записи. Яркие цветы явно привлекали внимание медвежонка: он несколько раз срывал, жевал, но тут же выплевывал цветки лютика едкого и ромашки, зато с удовольствием съел цветки-колокольчики гравилата речного и невзрачную метелку щавеля. Брал он в рот и чем-то выделяющиеся камушки, и затащенные на поле ветром, выбеленные дождями и солнцем сучки, обследовал торчавшие из земли кочки. Было видно, что Тоша пытался определить «на вкус» различные попадавшиеся ему предметы. Он пользовался методом проб и ошибок, отбирая, таким образом, съедобное. Выходя из дома, я не был уверен в том, что мы с Тошей пройдем намеченный пятнадцатикилометровый маршрут за один день. Путь наш пролегал по полям, по лесу, пересекал небольшие полянки, тянулся вдоль ручья, пересекал болото. Хотелось посмотреть, как будет вести себя медвежонок в разных ситуациях. Но какая-то особая легкость в движениях, постоянно высокая активность и любознательность медвежонка в продолжение первых двух часов пути рассеяли мои сомнения, и я решил пройти с ним до избушки.

В первую половину дня медвежонок так освоился с окружающей обстановкой, что начал убегать от меня в сторону на 20–30 метров. Забегал в лес, в кустарник, один раз забрался в глубокий овраг, но нигде не задерживался долго. Выбирался обратно и сразу же искал меня глазами – боялся потеряться. Если я стоял на месте или медленно перемещался на пять-десять метров в сторону, это не вызывало у малыша беспокойства. Чуть удостоив меня взглядом, он тут же отбегал в сторону, чтобы заняться каким-то своим делом. Но стоило пойти прочь, как уже после первого десятка шагов медвежонок бегом догонял меня, пристраивался в след и шел сзади, выдерживая дистанцию в 5–6 метров. К вечеру Тоша разрыл несколько кротовин и один муравейник. На небольшой елке обнаружил пустое гнездо дрозда и долго возился с ним, пока полностью не разрушил. Он научился переворачивать небольшие камни, что-то выискивая под ними.

Лишь к одиннадцати часам ночи мы добрались к намеченному месту – кордону «Стуловский остров». Уже у самой избушки у Тоши вдруг проявился аппетит. В наступившей темноте нельзя было разобрать, чего и сколько он съел, я ничего не мог записать в свой дневник, а он все никак не хотел уходить с полянки. Пришлось несколько раз позвать его, подавая позывной сигнал, так как усталость от прошедшего дня давила на плечи беспричинно потяжелевшим рюкзаком. Хотелось есть и спать.

Старая изба на кордоне состояла из двух половин. В одной остался Тоша, а другую занял я. Мне показалось, что я только-только заснул, как меня разбудил шум: в соседней половине гремел обломком доски, колотил лапой в дверь медвежонок. Часы показывали ровно три. На северо-востоке едва наметилась светлая полоска рассвета, а Тоша уже просился на свободу. Мне не хотелось выпускать медвежонка одного, оставлять без наблюдения. Наскоро одевшись и закусив, я вышел из дома, на ходу умываясь холодной росой. Сна как не бывало. Тоша деловито осмотрелся и, осыпая густую росу, нырнул в заросли ближайшего кустарника. Через минуту он выбрался на чистое место, встряхнулся, веером рассеивая во все стороны капли, и принялся копать в полуразрушенной куче дров, переворачивая старые гнилушки. Пользуясь передышкой, я заглянул в комнату, где он сидел ночью. В углу обнаружил четыре аккуратные кучки, которые собрал в полиэтиленовый мешочек, а когда стало совсем светло – разобрал фекалии. Они почти полностью состояли из растительных остатков, но были среди них и два гладких камешка размером 2х1 сантиметр, свежая и старая хвоя ели, кусочек тонкой полиэтиленовой пленки (возможно, из-под упаковки сигарет)

и обрывок цветной тряпки. Где он мог подобрать столько мусора, я не мог понять – здесь ходит очень мало людей.

Весь день мы провели в урочище «Стуловский остров». Побывали на болоте «Катин мох», на речке Жукопе, которая течет отсюда в Волгу. Походили по ольшанику, где под каждой кочкой хлюпает вода, по чистым соснякам, по ярко-зеленому, заросшему молодой травой сенокосному лугу. Тошу интересовало все. Увидит пенек, выделяющийся на ровном моховом ковре болота, – обязательно подойдет к нему, потрогает лапой, а то и вовсе разрушит, растрясая вокруг желто-коричневую пыль насквозь прогнившего пня. Если взлетит рябчик – не спеша подойдет к тому месту, долго крутится, нюхает. Было видно, что запах птицы вызывал у него особый интерес.

Купание

Забавно вел себя медвежонок на реке. Жукопа в том месте мелкая. Вода то не спеша катится по дну, сплошь усыпанному круглой галькой, то журчит на перекатах, пробирается между крупных валунов, оставляя на крутых поворотах намытые из песка желтые косы. А то совсем затихнет в черном, нешироком омуте, обрамленном ожерельем свисших к самой воде ракушечных кустов. Тоша как увидел речку, тут же в нее полез, зашел в воду по брюхо, сопя и покряхтывая, лег так, что снаружи остались торчать только нос да уши. А потом и вовсе макнулся, ошалело вынырнул, затряс головой, стараясь освободиться от попавшей в уши воды, подпрыгнул и стал бегать и неистово бить по воде лапами. Но вскоре успокоился и опять лег, поближе к берегу – тут было мельче. Вода доставляла ему особое удовольствие. Погрузив морду по самые уши, он жмурил глаза, пускал пузыри, шумно фыркал, тряс головой, тучей рассыпая брызги. Было смешно смотреть, как малыш с серьезным видом пытался подцепить когтистой лапой круглый скользкий гольш. Камешек не поддавался и каждый раз, когда медвежонок чуть приподнимал его над водой, выскользывал. Тошка не отчаивался и вновь принимался терпеливо его вылавливать, но сколько ни старался, так и не поднял камешек над водой. Потом скособочился, выставляя вперед правое плечо, бросился бегать по речке, бил по воде лапами, поднимая целые фонтаны воды. Не скоро мокрый, уставший медвежонок вышел на берег. Он часто дышал, как будто пробежал хорошее расстояние. Оглядываясь по сторонам, неторопливо вышел на теплый, прогретый солнцем песок. Растянулся на нем животом вниз, смешно вывернув задние лапы вверх подошвами, и затих. Пользуясь неожиданно предоставленной мне возможностью, я стал быстро записывать в дневник только что наблюдавшееся поведение медвежонка. Не успел я закончить свои записи, как Тоша уже вновь помчался по песчаной косе, взрывая лапами рыхлый песок. В одном месте остановился и принялся копать в песке ямку. Копал старательно и долго, пока не добрался до самой воды. Что он там нашел, я не обнаружил. Скорее всего это была своеобразная игра, ради удовольствия. Целый час Тоша провел у реки, потом отошел от берега, отряхнулся и стал скусывать молодые побеги осоки, выгрызая в нижней части стебля сочную сердцевину. Мы бродили с Тошей до позднего вечера.

День принес много свежих впечатлений, интересной информации. Поздно ночью мы добрались до кордона. Медвежонок казался бодрым и свежим, все так же перебегал с одного места на другое, а я едва не валился с ног от усталости и, кое-как приготовив постель, сразу уснул. А в три часа в соседней комнате уже опять гремел Тоша, и мне ничего другого не оставалось, как выходить с ним наружу. И еще один день мы ходили с Тошей, выполняя намеченную программу. За время похода медвежонок несколько раз попрошайничал. Он подходил ко

мне, садился рядом, делал унылую, грустную физиономию и принимался нудно, ритмично стонать: «ы-ы-ы-м, ы-ы-ы-м, ы-ы-м...» Я отходил в сторону, и этого было достаточно, чтобы он переставал ныть. Тоша, казалось, тут же забывал о попрошайничестве и стремглав несся по лугу к ближайшему дереву, карабкался на него, потом спускался, затрачивая на это считанные секунды, и бежал дальше. Игра его, начинавшаяся внезапно, так же внезапно обрывалась, и только что резвившийся малыш уже расхаживал между кочек, поедая по-весеннему ярко-зеленые побеги пырея ползучего. Каждый раз в полдень Тоша спал около часа, прижавшись к моим ногам, а я, пользуясь передышкой, приводил в порядок свои торопливые записи.

Все три дня с раннего утра до позднего вечера были заполнены до отказа. Я изрядно вымотался, и когда мы подходили к дому, у меня было только одно желание – завалиться куда-нибудь в уголок и поспать. Мысли о еде, настойчиво беспокоившие меня всю вторую половину дня, раздавила тяжелая усталость. А Тоша разошелся: носился кругами, лазил под настил лежневки, барахтался в лужах, выражая удовольствие и радость от простора и воли яркого, впервые открывшегося ему мира.

На второй день, утром, Тошу взвесили. За три дня он прошел много километров, вел активную, насыщенную физическими нагрузками жизнь и не получал никакой подкормки. За эти дни он потерял в массе всего 170 граммов! Для нас это было интереснейшим открытием: медвежата в возрасте пяти месяцев могут обеспечить себя минимальным, необходимым для поддержания жизни количеством корма в дикой природе. Проще говоря, они способны выжить в естественной среде без подкормки! Я решил готовиться к длительной экскурсии в лес со всеми тремя малышами.

Лесными тропами

Три дня ушло на сборы. За двое суток до выхода в лес медвежат кормили два раза вместо трех, а в последний день лишь один раз – утром. Всю тройку обмерили, взвесили, и я, поправив лямки потяжелевшего рюкзака, махнул рукой жене и пошел, совсем не представляя себе, что из этой затеи выйдет.

Медвежата выдерживали дистанцию 5–6 метров, и, если я увеличивал скорость, прибавляли ее и они, а как только я замедлял шаг – шли медленнее. Мы были как бы связаны невидимой веревочкой, которая не очень вытягивалась и не становилась короче. Это и была дистанция следования.

Испытав возможности Тоши, я решил пройти, не останавливаясь, восемь километров, а потом сделать длительный привал. Давал знать о себе груз в рюкзаке, и частые остановки, когда приходилось снимать и вновь надевать рюкзак, были утомительны. Во время движения малыши шли за мной строго в след, не играли, не отвлекались. Все их внимание было сосредоточено на мне. Впереди всех шел Тоша, а за ним Катя, которая иногда проявляла нетерпение и обгоняла Тошу, но он тут же оттеснял ее вбок, стремясь быть лидером. Позади всех трусил Яшка. Вскоре, безо всяких происшествий мы пришли на место. Я повесил рюкзак повыше на дерево, чтобы не соблазнять мишек его запахами, и сел, прислонившись к прохладному стволу. Не успел я расположиться, как Катя «приняла позу» и начала попрошайничать. Тоненько поскуливая, она потихоньку, боком, начала пододвигаться ко мне, рассчитывая чем-нибудь поживиться. Я мягко отогнал ее, и она успокоилась. После остановки не прошло и минуты, а медвежата уже разбрелись по полянке. Заглядывая под вывернутые с корнями деревья, они то пропадали, то опять появлялись среди стволов и переплетений узловатых корней. Время от времени кто-нибудь из них бесшумно, неожиданно появлялся на самом верху пятиметрового выскрени, трусил оттуда осыпающейся землей и так же тихо исчезал. Изредка они щипали молодую травку, но жевали ее нехотя, больше занимались игрой: боролись, широко открывая пасти, хватали друг друга за шиворот и беззлобно, но сильно трепали. Это были уже далеко не те детеныши, которых я принес из берлоги, хотя внешне они почти не изменились. Тоша все так же выглядел силачом: мощная высокая холка, крепкие ноги, крупная голова на толстой шее; блестящая бурая шерсть с серым отливом перекачивалась на нем волнами, движения были уверенными, в них сквозила сила. Он делал то, что ему хотелось, возмущался широко, резко, а если у него что-то не получалось, выражал свое недовольство ворчанием, а порой настоящим ревом и интенсивными действиями. Тоша безраздельно властвовал над Катей и Яшкой, оставляя за ними лишь одно право – каждому есть у клетки из своей миски.

Я уже знал, что медвежата, как и взрослые медведи, очень стойко защищают свою добычу от любых посягательств и в этом случае уважают суверенитет друг друга. Катя была поменьше ростом, но так же крепко сбита, разве что голова ее отличалась особым изяществом, а движения – мягкостью и сноровкой. В глазах ее всегда сквозила хитринка. Она все видела, все замечала, и если у меня вдруг пропадал дневник или я находил изодранную в клочья рукавицу, сомнений в том, что это проделки Кати, не возникало. Яшка по-прежнему был инфантилен. Узкая голова его с пугливыми, бегающими по сторонам глазками сидела на тонкой шее, и оттого казалось, что он постоянно старается вытянуть голову как можно дальше вперед. Тонкое туловище держалось на мосластых ногах. С боков свисали сосульки длинной, свалявшейся шерсти. Вид у него был пришибленный, угнетенный. Он постоянно уступал в игре, приседая на задние лапы или опрокидываясь на спину. Но я знал за ним несколько жестоких драк, когда вцепившегося в Тошу или Катю Яшку нельзя было оторвать

силой, не рискуя повредить медвежонка, и приходилось обливать его водой. Видимо, характер у него был, хотя и скрывался за невзрачной внешностью и отсутствием должной силы.

Пока я отдыхал, наблюдая за мишками, набежала туча, стало сумрачно и заморосил мелкий холодный дождь. Водяная пыль повисла над лесом, заполнив его белесым туманом. Оседая на листочках малинового куста, около которого я сидел, она превращалась в прозрачные, быстро наливающиеся капли, которые клонили листочки вниз и, не удержавшись, скатывались. Весь малиновый куст, как живой, махал листочками. Несколько крупных капель попали мне за воротник, и по спине побежала холодная струйка. Быстро поднявшись, я надел рюкзак и зашагал дальше, надеясь пораньше выйти к урочищу «Мартиновы Нивы», где стояла старая, невесть когда срубленная лесная избушка.

Ровная линия разрезающей заповедный лес квартальной просеки в отдельных местах поднималась на возвышенность, и тогда можно было идти, не заглядывая себе под ноги, лишь иногда переступая через выступающие корявые корни и упавшие деревья. Но когда просека ныряла в топкие низины, приходилось медленно перебираться с кочки на кочку, каждый раз заранее выбирая место, куда можно поставить ногу. Это не всегда спасало от неприятностей. Какая-то кочка вдруг предательски уплывала из-под ноги в сторону, нога соскальзывала в болотную жижу, а тяжелый рюкзак вдавливал меня в нее как можно глубже, как будто был специально для этого предназначен. Отдуваясь, я выбирался, выливал из сапог грязь, вытирал застилавший глаза пот, растирая по лицу торфяную кашу, и шел дальше. А мишкам все было нипочем! Они смело лезли в любую трясику, чавкали грязью, плыли, ползли, не обращая ни малейшего внимания на обложной дождь, который уже давно промокнул меня насквозь и, казалось, никогда не прекратится.

Наконец, сопровождаемый грязными, взъерошенными медвежатами, я пришел на место. Старая, вросшая в землю избушка встретила нас затхлой сыростью, плесенью на стенах, мокрыми нарами и жестяной печкой с прогоревшими боками и трубой. Небольшое окошко с кое-как вставленными стеклами пропускало тусклый свет пасмурного дня. Медвежат я оставил на улице, предоставив им полную свободу в выборе места для отдыха, а сам принялся за ремонт печки. Трубу обернул несколькими слоями алюминиевой фольги, которую захватил с собой, и обвязал куском проволоки. Бока печки заложил кирпичами, которые вытащил из под печки. Кирпичи были подложены под печку для того, чтобы не загорелся деревянный настил, на котором печка была установлена. На настил, для пожарной безопасности, я предусмотрительно положил толстый слой глины, которую накопал рядом с избушкой. Здесь же, около избушки, собрал немного дров. Настоящего сушняка было мало, и мне пришлось изрядно потрудиться, раздувая печку, глотая дым и проливая слезы, прежде чем огонь разгорелся.

Маленькая избушка нагрелась быстро. Окно «заплакало» крупными каплями, стало душно от высыхающих стен, и я открыл дверь. Через мгновение в дверном проеме уже стояла Катя. Постояла, посмотрела и отошла. Ее место занял Яшка. Он сунулся было в дверь, но чего-то испугался и быстро убежал. В открытую дверь я видел, что медвежата расположились на отдых рядом с избушкой, у корней огромной ели. Они уже хорошенько вытрясли свою шерсть от грязи и улеглись вплотную друг к другу, свернувшись калачиком. Дождь не пробивал густой кроны ели, лишь отдельные крупные капли громко шлепали по земле, что несколько не мешало отдыху малышей.

Наступил вечер. Я осторожно, чтобы не потревожить мишек, сходил к ручью, принес воды, запасся на ночь дровами, а медвежата и не думали выбираться из своего логова. Потом я узнал, что в дождливую погоду, выбрав укромное местечко, они могли спать много часов подряд, кормились мало и недолго.

Утро встретило нас ветром и все тем же дождем. Небо сплошь заволокли свинцовые тучи. Обрывки их быстро неслись над лесом так низко, что, казалось, вот-вот зацепят вер-

шины деревьев. Набравшись духу, я вышел из теплой избушки, понадежней подпер колом дверь и отправился к реке Тюдьме, в пойме которой летом часто видел следы медведицы с медвежатами-сеголетка-ми. Медвежата только и ждали моего выхода. Дружно фыркая, толкаясь и обгоняя друг друга, они побежали за мной.

Речка вздулась от дождя. Русло у нее было узкое, но глубокое. Берега сплошь заросли непролазным кустарником. Часто встречались завалы – громоздившиеся одно над другим, упавшие поперек реки деревья. Река ныряла под них и шумела, ворчала, ворочаясь в переплетениях осклизлых, покрытых зеленью сучьев. Не успел я и глазом моргнуть, как вездесущая Катя шлепнулась в воду, и ее потащило течением. Она, отчаянно барахтаясь, поплыла и тут же скрылась из виду за очередным поворотом. Я рванулсЯ сквозь чащу, обдирая лицо и руки, – впереди завал! ПопадВ под него, медвежонок мог утонуть. Добежать я не успел, хотя очень спешил и своей спешкой так напугал Тошу и Яшку, что они, зафукав, понеслись рядом со мной, также не разбирая дороги. Когда я выскочил к завалу, Катя спокойно расхаживала по самому верхнему бревну. Мельком глянула в нашу сторону, как бы осуждая ненужную спешку, и перешла на другую сторону. Я с облегчением вздохнул, посмотрел на все еще фыркающих, припавших к моим ногам малышей, и повел их по завалу, вслед за Катей, на другую сторону злополучной реки.

На лесном завале

Чуть ниже по течению от того места, где стояла избушка, лес расступался, и вдоль реки открывались небольшие полянки, обильно заросшие сочной травой. К ним мы и направились. ТрАва сохранила следы недавно кормившегося здесь медведя. Медвежата не проявили на них заметной реакции, но охотно использовали для своего передвижения оставленные тропы, так как ходить среди высокой, густой травы им было трудно. Они разбрелись в поисках корма. Время от времени кто-нибудь из мишек подавал фыркающие звуки, другие откликались, и таким образом они, не видя друг друга, поддерживали между собой постоянную связь. Я решил проверить, как они будут реагировать на мое отсутствие, и, пользуясь тем, что малыши увлеклись, отошел в сторону, стараясь не производить шума.

Остановился в лесу, в 80 метрах от поляны, и стал ждать. Прошло семнадцать минут – и среди кустиков показалась Катя. Она медленно шла точно по моему следу, часто останавливалась и нюхала землю. Вплотную за ней следовал Яшка, а метрах в 10–12 за ним неторопливо брел Тоша. Катя прошла еще немного и остановилась в том месте, где я перепрыгнул на лежащее дерево, когда искал место, где можно было спрятаться от медведей. Малышка потянулась в одну сторону, в другую: она потеряла след! А потом села и заголосила, заохала на весь лес. Яшка, нудно подвывая, стал ей вторить, и лишь Тоша молчал, недоуменно озираясь вокруг. Я не стал испытывать их терпение и подал звуковой сигнал. Тотчас все трое бросились в мою сторону, быстро подошли, ткнулись носами в сапоги, понюхали и сразу успокоились. Так, пятимесячные медвежата впервые нашли меня по следу. Возможно, и раньше они уже хорошо ориентировались по запаху, но только сейчас я заметил это по-настоящему. Теперь спрятаться от медвежат было непросто. Они успешно разыскивали меня по следу полчасовой давности, а были случаи, когда выходили ко мне через полтора часа, если след был оставлен в сухую погоду.

В тот день медвежата играли мало и ели плохо. Конечно, сказывалась двухдневная голодовка, но еще не была забыта каша у клетки, и травянистая растительность не могла занять основное место в их пищевом рационе. Однако голод – не тетка, и малыши вынуж-

дены были что-то промыслить. С каждым днем они все больше осваивались в лесу. Не забывали и поиграть, но основное время дня у них уходило на разыскивание пищи. В их поведении преобладала поисковая реакция пищевого поведения. Они рыскали по сторонам, переворачивали гнилушки, небольшие камни, ковырялись в моховых кочках, добывали муравьев, ели траву. Наивысшая пищевая активность наблюдалась утром, постепенно затухала к 11 часам и вновь проявлялась вечером, с 5 до 10–11 часов. В середине дня малыши укладывались спать, принимая различные положения – кто укладывался на живот, кто на бок. При этом они нередко прикрывали свои носы от назойливых комаров лапой. Я довольствовался мазью «Тайга», хотя иногда приходилось пользоваться и диметилфталатом – он понадежней.

Первое раскапывание муравейника

Прошло восемь дней. Мы вернулись домой, чтобы подготовиться к более длительному походу. Экскурсия показала, что медвежата хорошо поедают травянистую растительность, хотя вначале им пришлось поголодать, ведут себя активно, вид их не был удрученным, а масса тела снижалась немного. У клеток мишки вновь с удовольствием ели кашу, охотно закусывая ее травой.

Вечером у клетки появились незваные гости. Отсутствие медвежат, которых вывели в лес «на голод», подогрело интерес у местных жителей. Кое-кто совал мишкам конфету, а некоторые и палку. Пришлось гостей выпроводить таким образом, чтоб у них не появилось скорого желания вновь «пожалеть бедненьких детенышей». Три дня мы охраняли клетку от «любителей животных».

Я снова собрал вещи, договорился с женой о месте и времени встречи для передачи продуктов и ушел в лес, в ту же избушку на «Мартиновы Нивы». Угодья вблизи нее были знакомы мишкам, и я надеялся, что на перестройку питания у нас уйдет меньше времени. Но не тут-то было! После каши медвежата наотрез отказались питаться одной травкой, и все повторилось сначала: несколько дней голодовки, скрашиваемых небольшими порциями поедаемой растительности, нудное попрошайничество, скучные мордашки. Однако малыши не забывали и порезвиться, а игровое поведение показывало, что у них все в порядке. Постепенно они привыкали к растительным кормам. Мы переходили с места на место. Я вел записи поведения медвежат. Каждый из них делал что-то свое и постоянно менял занятие. Тихая война с полчищами комаров, ранние подъемы и поздний отбой – так проходило время.

Теперь я каждый день взвешивал малышей, приспособив для этого кусок рыболовной сетки, навешенной на пружинный безмен. Медвежата быстро освоились с процедурой взвешивания. Дело облегчилось и тем, что как только мне удавалось подсунуть сеточку под медвежонка и поднять его в воздух, он растерянно замирал, растопырив все четыре лапы в стороны. Один момент – и масса определена! Однако вскоре появились и трудности. Уже через три дня малыши четко знали часы, в которые я их взвешивал, и в это время очень неохотно подпускали к себе. Сетку с безменом я всегда носил на поясе, так что вид ее не должен был вызывать у них неприятных ассоциаций. Пришлось сменить постоянное время взвешивания на случайное. Теперь я взвешивал каждого из детенышей в любое время дня, выбирая для этого наиболее удобную ситуацию. Однако были дни, когда кто-то из них никак не желал, чтобы его поднимали в воздух. Подозрительно наблюдая за моими приготовлениями, хотя я старался все делать незаметно, мишка каким-то образом угадывал, что я подхожу к нему не

просто так, а именно с намерением взвесить, и, подпустив поближе, неожиданно пускался наутек. Приходилось оставлять это занятие, и я ставил в соответствующей графе записной книжки прочерк – не хотел навязывать медвежонку свою волю. Проказник как будто этого и ждал, так как в следующий момент уже спокойно расхаживал рядом.

Минуло пять дней. С женой мы договорились встретиться за границей поселка, у лежневки, в 10 часов утра. Ровно в 10 я подошел со своей стороны в сопровождении наостривших уши медвежат. Со стороны поселка слышались отдельные выкрики людей, лай собак, визгливый скрип колодезного ворота, гогот гусей, лязгание железом доносилось из гаража. Медвежата стали беспокоиться: звуки эти для них были привычны – клетка, где их кормили вкусной кашей, должна быть там, где эти звуки. Конечно, сказывались и пять дней пребывания на постных лесных кормах. Я ждал долгих пять минут. Жены не было. Мне показалось, что терпение медвежат иссякало, и я быстро пошел обратно в лес, призывно «клокая». Мишки дружно побежали за мной, сразу же позабыв о соблазнительной клетке.

Вечером малыши впервые хорошо кормились верхушками иван-чая на старой вырубке. Я испытывал особое удовольствие, наблюдая за их округлившимися животами и слушая частую громкую отрыжку, которая появляется у медвежат, как только они начинают интенсивно кормиться зеленью.

На следующий день, ровно в десять, я опять подошел к лежневке. Медвежата чуть задержались в зарослях прорастающей медвежьей дудки, и я, пользуясь этим, быстро подошел к переходу. Жена меня уже ждала. Отчаянно жестикулируя, я предупредил ее, чтобы не шумела. Улыбнувшись, она протянула мне битком набитый рюкзак. Схватив его, я быстро отошел по тропинке назад, а навстречу уже спешили косяки. Еще ничего не успев сообщить, я подвергся интенсивной атаке всех троих! Громко, требовательно рывая, они лезли ко мне напролом, явно прицеливаясь к рюкзаку. Тут и до меня дошел пряный запах жареного в масле теста! Конечно, для медвежат с их чутким обонянием он был намного сильнее! Как потом выяснилось, жена напекла лепешек и горячими сунула их в мешок – какая наивность! Понимая всю серьезность сложившейся ситуации, чуть не бегом направился я к избушке, кланя и тяжесть рюкзака, и длинные километры пути (до избушки – 12), и нежную заботу жены. Наконец, вбежав в избушку, я бросил рюкзак и сел, почти свалился на нары. Сердце бешено колотилось, пот градом скатывался за шиворот, рубашка неприятно липла к спине. А за дверями подозрительно скоблились, шумно нюхали в самую щель и фыркали возбужденные мишки. Едва отдохнув, я вышел к ним и, чтобы снять их, да и свое, напряжение, прошелся вокруг избушки. Медвежата обошли вокруг меня, внимательно обнюхали, прошли рядом и, успокоившись, отошли под свою елку. Я понял, что быстрая ходьба насторожила и расстроила их куда больше, чем лепешки в рюкзаке. Только сейчас я стал вспоминать, как напуганные моим видом и быстрыми, резкими движениями мишки бежали след в след, не отставая от меня более чем на два метра, и всю дорогу беспокойно фукали и чухали, не понимая, какая же опасность грозит их поводырю. В такой ситуации им было явно не до лепешек, только я этого сразу не сумел понять. А все дело в том, что при любой опасности их пищевое поведение подавляется, отходит на второй план. В процессе работы с медведями я в этом убеждался много раз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Стоимость полной версии книги 200,00р. (на 02.04.2014).

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.